

УДК 130.2

Т.П. Минченко

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Культурологический анализ результатов социологического исследования среди более динамично развивающихся диаспор Томской области выявил, что в современных условиях глобализации и постсекулярного общества, коренных социокультурных преобразований по модели западного мира большее значение местные народы придают традиционным ценностям.

Ключевые слова: народы, глобализация, постсекулярность, культурные ценности.

Эпоха глобализации по-новому ставит проблему этнокультурной и этно-религиозной идентичности и проблему адаптации традиций определенных этносов к тенденциям универсализации базовых ценностей преимущественно на основе западной культуры. Социокультурной основой единства различных народов, населяющих Сибирь, являются их многовековые взаимосвязи и совместная жизнедеятельность. Вместе с тем, поскольку население Сибири представлено народами как европейской, так и восточной (азиатской) цивилизаций, можно предположить, что адаптационные процессы протекают весьма различным образом.

Среди прогнозов развития взаимодействия западных и восточных ценностей на рубеже XX–XXI вв. выделим наиболее известные с целью выявления теоретических основ анализа социокультурной адаптации к западным ценностям народов Сибири.

Одна из влиятельных концепций первого типа сформулирована Ф. Фукуямой [1]. В своей книге «Конец истории» он обосновывает идею о том, что в связи с крушением коммунистической системы идеи либерализма будут восприняты большей частью человечества, история приходит к оптимистическому завершению, и перспективой развития является совершенствование на либеральной основе. Но данная концепция, как показали дальнейшие события, оказалась утопичной: вместо благополучного «конца истории» человечество оказалось перед лицом сложнейших цивилизационных противоречий и новых войн. Западные ценности либерализма не были органично восприняты в большинстве бывших социалистических стран и в других странах, ориентирующихся на путь модернизации.

Не менее влиятельной концепцией другого типа является теория С. Хантингтона о преобразовании основных мировых противоречий на рубеже веков: в связи со снятием актуальности противопоставления капитализма и социализма нарастают противоречия между цивилизациями, в первую очередь западной, исламской и православной [2]. Вместе с тем в описании перспектив развития мира на основе данной концепции научность уступает ме-

сто идеологии, поскольку автор ориентирует западный мир на отпор угрозе, которую он видит со стороны объединяющихся «отсталых» цивилизаций.

Более объективной представляется концепция П. Кеннеди, полагающего основное противоречие эпохи в углублении конфликта между реальными потребностями интенсивной модернизации большинства современных государств и быстро уменьшающимися на планете возможностями удовлетворить эти потребности [3]. Выявляя объективные проблемы современного развития и рассматривая их в контексте экономических, политических и социокультурных тенденций, Кеннеди распределяет ответственность за решение как глобальных, так и региональных проблем между всеми современными обществами.

Помимо этого, аксиоматика культуры в последние два десятилетия кардинально изменилась, поскольку актуализировались ее сакральные основания. Анализ социокультурных оснований различных обществ, рассматриваемый в системе координат «традиционное» – «индустриальное» – «постиндустриальное», дополняется новой системой координат «религиозное» – «секулярное» – «постсекулярное» [4. С. 18].

Можно выделить связь постсекулярной эпохи с постмодернистской через преодоление просвещенческого отношения к религии, связанного с идеей изживания последней как конкурента секуляризма. Постмодернистское сознание, выступая против авторитарности и тоталитарности религии, трактует религию не как социальный институт или тоталитарную идеологию, а выявляет в религиозности свободу. Тем самым европейская культурная традиция входит в постсекулярную эпоху.

В современной литературе существуют различные подходы к пониманию постсекулярного. Среди многообразия трактовок этого нового явления можно выделить подходы, связанные с исследованием динамики религиозного и секулярного в западном мире и с представлениями западных ученых о реальности, имеющей место в незападных обществах. В рамках одного подхода «постсекулярное» трактуется как новая стадия развития культуры, пришедшая на смену секуляризму [5, 6, 7], в рамках второго – как механизм внутри секулярной идеологии, вводящий в современное общество религию [8], с позиций третьего подхода в постсекулярном мире «светский Запад вынужден иметь дело с отнюдь не светскими режимами и культурами» [2. С. 35].

Несмотря на отсутствие общепринятого определения постсекуляризма, научное сообщество согласно с тем, что современный этап развития общества связан с формированием нового типа отношений между секулярным и религиозным сознанием. Если в секулярном обществе недавнего прошлого эти отношения были основаны на доминировании светской идеологии, а религиозное сознание трактовалось как эволюционное прошлое общества, значение которого по мере социального прогресса уменьшается вплоть до полного исчезновения религии, то постсекулярная культура связана с формированием новой конструктивной установки по отношению к религиозному сознанию как имманентной составляющей общественного сознания, которая не исчезает по мере развития общества, а лишь меняет формы выражения, а также с формированием равноправного диалога светского и религиозного. В совре-

менном секулярном мире религия трансформируется и в очередной раз меняет свое место и роль в структуре общества.

В данной работе постсекулярный мир определяется как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерна, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX в., возрождением религиозности в мире с одновременным ее упрощением до образа жизни, актуализацией национально-культурной и религиозной идентичности граждан в современной культуре и политике и сменой светскости антирелигиозной на конструктивную.

Еще одной проблемой при исследовании специфики социокультурной адаптации населения к новым ценностям является проблема нетождественности этнокультурной и конфессиональной идентичностей, часто отождествляемых в социологических исследованиях.

С 1990-х гг. в России проводятся социологические исследования, касающиеся анализа этнической и конфессиональной динамики российского общества. При этом эксперты [9. С. 35] отмечают неоднозначность оценки ситуации в силу использования исследователями различных критериев идентичности, мировоззренческой определенности и т.п.

Из многообразия теоретически возможных критериев принадлежности к религиозной группе политические и религиозные деятели, некоторые ученые чаще указывают на этнический критерий, что приводит к многомиллионным цифрам численности православных и мусульман, закладывая тем самым определенные ориентиры в общественном сознании современной России. Например, православие полагается религией русских, украинцев, белорусов, чувашей, мордвы, карел, коми и т.д.; католицизм – религией испанцев, итальянцев, кубинцев, латышей, литовцев, трети немцев, поляков, французов и т.д.; ислам – религией аварцев, адыгейцев, азербайджанцев, ингушей, таджиков, татар, турок, туркмен, узбеков, чеченцев и т.д. Вместе с тем такие данные не соответствуют действительной картине.

Мы согласны с мнением С. Филатова и Р. Лункина о том, что при использовании данного критерия из поля зрения исследователя выпадают многочисленные группы людей с различными типами мировоззрения, что значительно искажает реальность: «...что стоит за этнической принадлежностью? Среди зачисленных в эти религии оказываются и принципиальные атеисты, и люди, безразличные к религии и никак не идентифицирующие себя с конкретными религиозными течениями, и люди, исповедующие совсем другую веру, а не ту, которую им приписали идеологи этнической религиозности. Атеизм и религиозные организации, не вписывающиеся в распределение религий по племенному признаку, вообще, автоматически исключаются из расчетов. В православные, например, исходя из этнического принципа, зачисляются сотни тысяч староверов, протестантов, атеистов, сторонников разных восточных религиозных учений и просто людей, идентифицирующих себя с секулярной культурой и индифферентных к религии» [9. С. 37].

Более близок к реальности критерий религиозной самоидентификации, хотя он и не является абсолютным. Человек, относящий себя к определенной религиозной традиции, не всегда знает основы её вероучения, не обязательно участвует в культовой деятельности, может не являться членом религиоз-

ной общины. Хотя утверждение своей принадлежности к определенной религии важно для мировоззрения и поведения. Здесь необходимо сопоставление с дополнительными критериями. Об этом свидетельствуют, например, исследования, ежегодно проводимые Центром «Религия в современном обществе» Института комплексных социальных исследований РАН (ранее Российский независимый институт социальных и национальных проблем) [10]. М.П. Мchedлов отмечает: «При анализе конфессиональной ориентации респондентов обращает на себя внимание следующее явление, неизменно фиксируемое опросами: удельный вес респондентов, заявивших о своей конфессиональной принадлежности, превышает процент верующих в Бога. Это подтверждает выявленную ранее тенденцию конфессиональной самоидентификации не только по принадлежности к тому или иному вероисповеданию, но и посредством соотнесения себя с определенным типом цивилизации, сформировавшимся в значительной мере под воздействием той или иной конфессии. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, многие респонденты (около 20%) тем не менее относят себя к приверженцам традиционных религиозных объединений. Они воспринимают православие или ислам не только как религиозную систему, а как естественную для них культурную сферу; национальный образ жизни («русский, поэтому православный», «татарин, поэтому мусульманин»)» [10].

Вопросы соотношения этнической религиозности и культурной религиозности только начинают изучаться в отечественных работах [9, 11, 12]. С одной стороны, существует два вида социальных групп, выделяемых по разным основаниям, — этнические и религиозные; с другой стороны, они часто существуют на одном территориальном пространстве и среди одной и той же части населения.

Религия является комплексным феноменом, конкретный человек может различным образом проявлять свою связь с религией, выдвигая на первый план ее различные аспекты: религия как вера, религия как идентичность и религия как образ жизни [13. С. 190]. Религия как вера связана в большей степени с убеждениями и религиозным учением. Религия как форма коллективной идентичности связывается с определенной группой, принадлежность к конфессии может определяться по социально-культурной общности, а не по исповеданию определенного вероучения. Или, как и в случае принадлежности к этносу, человек может быть соотнесен с группой просто по факту рождения в ней, независимо от знания и следования традициям культуры определенной этнической или религиозной группы. Религия как образ жизни обычно соотносится с одной из двух других упомянутых граней, являясь как бы производной от одной из них; т.е., культовая составляющая религии задает выполнение определенных обрядов и ритуалов, направляя на следование определенной традиции. Причем человек связывает себя с этой традицией как в силу признания определенного вероучения, так и в силу соотнесения себя с конкретной группой, сохраняющей эту традицию, либо в силу того и другого одновременно.

Какой именно аспект религии выходит на первый план, зависит от многих причин: от мировоззренческой (религиозной) структуры населения (моно- или поликонфессиональной); от особенностей догматики религиозного

учения, либо подчеркивающего тесную связь между религией и этничностью (как, например, в некоторых национальных религиях типа иудаизма, что актуализирует идентификационную составляющую религиозности), либо ориентирующего на преодоление этнической замкнутости религии (как в мировых религиях или религиях Нового века); от сложившихся в обществе государственно-церковных отношений и множества других факторов.

Существенной особенностью российской культуры является противоречивое взаимодействие ценностей, которые образуют основу евразийского социокультурного типа. Еще одним значимым фактором для формирования этносоциальной структуры населения, в том числе и в Томской области, являются интенсивные миграционные процессы.

С целью исследования региональной специфики социокультурной адаптации населения Сибири был проведен культурологический анализ цивилизационных предпочтений некоторых народов Томской области, при этом основное внимание было направлено на сопоставление западно-восточных культурных дихотомий ценностных предпочтений населения Томской области. К числу восточных ценностей относятся: традиционализм, коллективизм, коллективная собственность, государственный патернализм и общественный порядок, приоритет морали над правом, привычка к скромности и уважение к родовым этническим корням и природе. К западным ценностям относятся: ценности либерализма, рыночной экономики, где гаранты выживания являются индивидуализм, частная собственность, рациональность, личная инициатива, доминирование материальных ценностей достатка, права, а прогресс ассоциируется с модернизацией и покорением природы.

В качестве основы была взята методика выявления западно-восточных цивилизационных дихотомий предпочтений, разработанная сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН. Данная методика была скорректирована в соответствии с целями исследования, а также культурными и этноконфессиональными особенностями народов Томской области.

По разработанной методике проведены социологические опросы членов национально-культурных объединений Томской области различных возрастных групп, уровней образования и сфер деятельности. Были выбраны общины, представляющие народы как европейских, так и азиатских культур и имеющие культурные или образовательные центры: исследование немецкой общины проводилось на базе государственного учреждения культуры «Российско-немецкий Дом» и молодежной немецкой организации «Югендблик»; еврейской – в Томской региональной еврейской национально-культурной автономии; греческой – в Национально-культурной автономии греков Томской области; азербайджанской – в Национально-культурном центре «Азери»; армянской – в Союзе армян Томской области; татарской – в государственном учреждении «Областной центр татарской культуры». Всего было опрошено 103 наиболее активных участника этих национальных объединений, из них 46 мужчин и 60 женщин.

Далее будут приведены данные, касающиеся ценностных культурных дихотомий предпочтений. В целом респонденты отдают приоритет коллективистским началам жизни над индивидуалистическими. Это проявляется в пред-

почтениях коллективной собственности над частной, чувства коллективизма и взаимопомощи как фактора развития своего народа над индивидуализмом, личной деловитостью. Первые (т. е. коллективистски ориентированные) в каждой из выделенных этнических групп составляют от 61 до 73,6% опрошенных, в то время как вторые (т. е. индивидуалистски ориентированные) составляют от 26,4 до 39% (таблица. Прим. некоторые респонденты не смогли дать четко определенного ответа в рамках выделенных дихотомий).

Имеет также место доминирование в общественном сознании представителей большей части обследуемых этнических групп ориентаций на обеспечение общего порядка по сравнению с ориентациями на расширение личных свобод граждан (первые составляют от 67 до 81 %), приоритета в жизни людей элементов постоянства и устойчивости (от 64 до 77 %) по сравнению с переменами и новизной. Исключением по последней дихотомии является статистика по армянской диаспоре, но это может быть следствием того факта, что большая часть респондентов принадлежит к молодежной группе.

Важно также отметить, что после десятилетия официальной государственной политики, направленной на внедрение свободного рынка, приблизительно половина населения не приемлет соответствующей модели развития, продолжая возлагать на государство надежды на обеспечение занятости и создание достойных условий существования (от 35 до 66%, 48% в среднем), а не просто принятие тех или иных законов и установление справедливых налогов.

Достаточно противоречивое отношение населения к предпринимателям и бизнесменам, которые, по мнению большинства одних общин, действуют в своих собственных корыстных интересах и реально выступают фактором разъединения своих народов, в оценках большинства представителей других диаспор преобладает позитивная оценка роли предпринимательства в жизни народа.

Культурные дихотомии ценностных предпочтений, %

Дихотомии предпочтений	Евреи	Немцы	Греки	Азербайджанцы	Армяне	Татары	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Культурные ценности моего народа в эпоху глобализации							
А. Нужно сохранять	86,6	95,7	79	100	64,3		86,66
Б. Неизбежно будут изменяться	13,4	4,3	21	0%	35,7	5,6	13,33
2. Соотношение интересов человека и общества							
А. Личные интересы человека важнее интересов его народа	20	43,5	42	28,5	50	16,7	33,45
Б. Интересы народа важнее личных интересов человека	80	52,2	58	71,5	50	83,3	65,8
3. Моему народу сейчас больше всего нужно							
А. Развитие коллективной собственности	53,3	34,8	58	64,3	64,3	71,2	57,7
Б. Развитие частной собственности	46,7	61	42	50	35,7	33,3	44,8

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
4. Религиозные ценности моего народа							
А. Очень важны для моей жизни	40	56,5	79	85,7	42,8	83,3	64,55
Б. Мало влияют на мою жизнь	60	43,5	21	14,3	50	16,7	34,25
5. Нашему народу сейчас больше всего нужно							
А. Чувство взаимопомощи, коллективизма	66,6	61	73,6	64,3	64,3	61	65,2
Б. Чувство свободы личности, личной деловитости, индивидуализма	33,4	39	26,4	35,7	28,5	39	33,7
6. Роль предпринимателей в жизни своего народа							
А. Занятие бизнесом формирует людей, заботящихся об интересах народа и сплачивающих его	40	56,5	47,3	71,4	28,5	71,2	52,5
Б. Занятие бизнесом формирует людей, заботящихся только о своих интересах и разъединяющих народ	60	43,5	52,7	28,5	64,3	33,3	47
7. Для страны важнее всего							
А. Расширение личных свобод граждан	40	34,8	36,8	57,2	42,8	55,5	44,5
Б. Обеспечение общего порядка	60	65,2	63,2	50	35,7	44,4	53
8. Роль государства в жизни людей							
А. Рабочие места и условия жизни людей должно обеспечить государство, а человек должен хорошо трудиться	40	43,5	47,3	57,2	35,7	66,6	48,4
Б. Работу и условия жизни человек должен обеспечить себе сам, а государство должно защитить его законами и справедливыми налогами	60	52,2	47,3	35,7	57,2	33,3	47,6
9. В жизни важнее всего							
А. Постоянство, устойчивость	66,6	69,6	73,6	64,3	14,3	77,7	61
Б. Перемены, новизна	33,4	21,8	31,5	35,7	85,7	33,3	40,2
10. Знание национального языка и литературы, сохранение народных обычаев и традиций							
А. Оказывает большое влияние на определение моего места в жизни	46,7	87	58	78,5	35,7	88,8	65,8
Б. Мало влияет на мою жизнь	53,3	13	42	21,5	64,3	11,2	26,2

Свыше половины опрошенных почти во всех группах отдают приоритет государственному регулированию экономики над рыночной свободой, являясь сторонниками более активного развития коллективной собственности при усилении роли государства в регулировании рынка в интересах всего общества. Меньший процент людей высказывается за «чисто рыночный» вариант развития страны. Таким образом, западные либерально-рыночные ценности в настоящее время имеют определенное распространение среди народов Томской области, но не являются доминирующими.

Что касается связи этнической и религиозной идентичностей, то в целом для народов Томской области более характерно сохранение религиозных ценностей как части культурной традиции. Более половины респондентов оценивают религиозные ценности своего народа как очень значимые для своей жизни (от 40 до 85%; 64,5% в среднем). Вместе с тем более трети опрошенных считают, что религия мало влияет на их жизнь, причем, как видно из таблицы, в разных национальных объединениях их количество значительно различается (от 14 до 60%). Таким образом, этническая религиозность характерна в среднем для двух третей населения Томской области.

Исследование подтверждает также высокий уровень сохранения традиционных ценностных ориентаций у молодежи в национальных объединениях. В целом для молодежи, как и для взрослого населения, большое значение имеют ценности коллективизма и коллективной собственности, общего порядка и стабильности, а также приоритет общественных интересов и ориентация на сотрудничество. Важно отметить высокий уровень близости оценок молодежи из разных этнических групп по всем выделенным вопросам, хотя определенная разница, конечно же, есть.

Исходя из понимания постсекулярности как нового этапа развития общества, характеризующегося кардинальным изменением аксиоматики культуры, связанным с актуализацией ее сакральных оснований и представления о постсекулярном обществе как социуме, в котором религии вновь начинают занимать значительное положение, следует отметить актуальность этого понятия более чем для половины респондентов, представляющих активную часть национальных диаспор, причем наиболее значимо возрождение религиозных культурных традиций для мусульман (83,3 и 85,7%).

Соотношение выборов культурных дихотомий ценностных предпочтений на примере народов Томской области в настоящее время не подтверждает тезис Ф. Фукуямы о том, что идеи либерализма будут восприняты большей частью человечества. Вместе с тем на локальном уровне не находит подтверждения и тезис С. Хантингтона о нарастании противоречия между представителями различных цивилизаций, в первую очередь западной, исламской и православной.

Таким образом, можно говорить о том, что в современных условиях глобализации и интенсификации культурных взаимодействий, глубоких социальных трансформаций, осуществляемых на базе ценностей западной цивилизации, у народов Томской области, принадлежащих по происхождению к различным культурным типам – западным и восточным, сохраняется сложившееся в результате многовековых связей и совместной жизнедеятельно-

сти разных национальностей на территории России сходство базисных ценностей, составляющих основу евразийской культурной общности.

Литература

1. Fukuyama F. The End of history and the last man. N. Y.: Free Press ; Toronto : Maxwell Macmillan Canada ; New York : Maxwell Macmillan International, 1992. 418 p.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
3. Кеннеди П. Вступая В Двадцать первый век. М. : Весь Мир, 1997. 480 с.
4. Минченко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху глобализации : истоки и перспективы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011. 40 с.
5. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120 // Журнальный зал в РЖ. «Русский журнал». 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html> (дата обращения: 30.10.2011).
6. Морозов А. Наступила ли постсекулярная эпоха? // Континент. 2007. № 131 // Журнальный зал в РЖ. «Русский журнал». 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/131> (дата обращения: 30.10.2011).
7. Милбанк Д. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008. № 4. С. 33–54.
8. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации: О разуме и религии. М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. 144 с.
9. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
10. Мchedlov M.P. Феномен религиозности в изменяющейся России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusoir.ru/03print/01/24/index.html> (дата обращения: 30.10.2011).
11. Старые церкви, новые верующие : Религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. К. Каарияйнена и Д.Е. Фурмана. СПб.; М. : Летний сад, 2000. 248 с.
12. Казьмина О.Е. Роль религиозного фактора в этническом самосознании населения России // Исторический вестник. 2001. Т. 13–14, № 2. С. 68–69.
13. Gunn T.J. The Complexity of Religion and the Definition of «Religion» in International Law // Harvard Human Rights Journal. 2003, spring. Vol. 16. P. 189–215.